

Туфан Миннуллин:

Как-то в одном давнем интервью татарский драматург Туфан Миннуллин сказал: «Пишу только о том, что мне близко, что доподлинно знаю, и только тогда, когда тема стала моей внутренней потребностью». И так — вот уже тридцать лет, за которые создал более тридцати пьес, стал известен в родной Татарии и в литературном, театральном мире России.

И еще он сказал: «У совести вариантов нет» (так называется его пьеса) и тем обаял себя и безусловной честности, бескомпромиссности. Пьесы Миннуллина — не просто профессионально крепкая драматургия, живой язык, яркие характеристики — это напряженные размышления о народной жизни, суровых испытаниях человеческого духа, нравственных потерях и обретениях современника, о национальных проблемах, как бы укрупнившихся, ставших остроактуальными в последнее время.

«У совести вариантов нет»

— Долгие годы у нас считалось незыблемым требование к искусству быть национальным по форме, социалистическим по содержанию. Потом эта формула незаметно исчезла, вышла из употребления...

— Это естественно. Она способствовала процессу, вредности и ненужности которого наконец-то поняли, — сливаясь наций в безликую общность «советский народ». Различия, если и допускались, то лишь в каких-то незначительных, второстепенных, внешних признаках, от которых впоследствии легко можно было бы избавиться. Но усиленно вытеснялись из жизни национальные языки, обрывались корни национальных культур, предавались забвению традиции, выработанные веками. Зачем они нужны! У всех культур должно быть единое «социалистическое содержание». Абсурд! Единобразие противопоставлено жизни, ее закон — разнообразие. Я не теоретик, говорить могу, только исходя из собственных наблюдений. И думаю, сводить особенности нации к формальным, внешним признакам — это вульгарно. Оно исходит из самой человеческой души, складка ума, миропонимания.

— Интересно, как бы вы охарактеризовали эти особенности на примере своей нации? — Это такой вопрос, на который, по-моему, невозможно дать простой, однозначный ответ. Начать придется издалека. Я заранее отбрасываю вся-

кую политику. Меня интересует только история и психология народа. Получилось так, что в менталитет татар давно вошло и прочно закрепилось сознание, что они — не что-то аморфное, они — народ, у которого была — пусть в далеком прошлом — своя государственность. Это жило в людях веками. Почему? Кто знает, мы многого не понимаем в человеческой психологии. Я наблюдал, в людях — да и в моем характере тоже — с самого раннего возраста есть какая-то непокорность. Не дурное упрямство, не капризность по глупости, — непокорность. А непокорным кто может быть? Только тот, кто познал вкус свободы, самостоятельности. И запомнил. Тем более что у татар не было крепостного рабства. При встрече со знакомым у нас не снимают шапку, — не по недостатку культуры, просто у нас не наклоняют голову. Человек держится прямо, с достоинством. Это переходило из поколения в поколение.

— Вероятно, все начиналось с семьи!

— Конкретнее — с женщины. В татарской семье главствовала женщина. Мужчина где-то работал, добывал средства к существованию, кормил семью, но ее экономика, распределение финансов, воспитание детей, все нравственная, духовная сторона ее жизни были в руках женщины. Как натура более чуткая, близкая к природе, более выносливая в жизненных испытаниях, жен-

щина была основой семьи. Издавна она создавала и хранила образ жизни народа, формировала нравственные принципы, само национальное мышление.

— Это и сегодня так!

— Я заметил, в Казани на митинги обычно выходит много женщин. Если вы спросите — почему? Что, татарки так уж агрессивны? Я отвечаю: просто женщины острее, болезненнее чувствуют — что-то важное исчезает из жизни народа. Уходит навсегда. Они видят это по своим детям, внукам, они их терзуют, рвутся родственные связи. Как быти... В поведении женщин нет никакой политики, лишь стремление народа сохранить себя, свою самобытность, нравственность, культуру, принципы воспитания детей. Народ хочет сказать: я есть. Да разве только татары! К тому же стремятся сегодня другие народы, в том числе — русский. Это процесс общероссийский.

— Его суть — возвращение нации к своим корням, истокам народной жизни, культуры!

— Именно. К своей природной сути. Я вообще думаю — человек сегодня гибнет потому, что мы, из-за нашего бескультурья, идем к полному разрыву с природой — и окружающей, и своей собственной, человеческой. Пусть не покажется странным, но я считаю язычество подлинной, высшей цивилизацией. Потому что оно означает почитание природы, гармонию людей и природы.

Человечество вернется к философии язычества (может, под другим названием), чтобы сохранить свою среду обитания, саму жизнь на Земле.

— Исходя из логики ваших рассуждений, жизнь человека в своей нации, в своей природной среде, знание национального языка, обычая — это его благо, его сила.

— Да, только так. Основа, которая придает уверенность и достоинство его взгляду на мир человеческий.

— А что вы вкладываете в понятие национальной театр! Допустим, театр играет нацио-

нальную драматургию на языке своего народа — уже немало...

— Я на это смотрю глубже. Можно, играя Шекспира, Островского, оставаться театром своей, например, татарской или марийской нации. При условии — театр понимает или, может быть, интуитивно улавливает смысл бытия народа, что-то такое в его миропонимании, характере, что только данному народу свойственно. Это трудно выразить четкой формулой. Как-то я был на одном латышском спектакле. Там все дрова пилили. Пилили и пилили... Я еле выдержал спектакль. А латышам он очень нравился, я видел это по их лицам. В простом историческом действии, спокойном ритме они, видимо, угадывали что-то близкое им, родное.

Внешние приметы, национальное платье, даже язык — еще не все. У татар есть слово «мон». Оно трудно переводимо на другой язык. Переводят как мелодия, душа, что не очень точно. Скорее это — сознание. Зритель ищет в спектаклях созвучия своей душе, какой-то отдаленный, знакомый звук, или прислушивается к нему, идет за ним...

— Ведущий в Татарстане Академический театр имени Галиасгара Камала соответствует вашему пониманию национального театр!

— Мне кажется, да, в основном. Не случайно Камаловский избежал кризиса, охватившего сегодня многие российские те-

атры, его спектакли не утратили общественной значимости, его зрительный зал по-прежнему полон.

— Говорят о феномене татарского зрителя.

— Я думаю, это тема отдельного научного исследования — Театр имени Камала и его зритель. Многолетняя жизнь во взаимопонимании, один подталкивает другого, вместе движутся выше, выше — так распорядилась история. Театр очень заботится о том, чтобы не потерять зритель. Поймите правильно: не о том, как бы удержать, не упус-

кая, что я актер, ведь училище окончил с красным дипломом. Может, режиссеры меня «не увидели»... Мне не дали возможности или убедиться в своей профпригодности, или стать актером. Слишком рано меня оторвали от сцены.

— Но вас же, наверное, не выгнали из театр!

— Выгнали. Сказали, что актеров моего плана в труппе достаточно.

— Что было потом!

— Я очень благодарен Марселю Салимжанову. Он поставил в Театре имени Камала, кстати, хорошо поставил —

тять зрителя, — этот театр, за что я его и люблю, думает о том, что человеку сегодня надо, чем «болеет», к чему стремится его душа.

— На какого зрителя в основном ориентируется театр!

— На нормального. Деления на городского, сельского, интеллигентного я не признаю. Это все выдумки критиков. У каждого спектакля, даже самого сложного, как и самого простого, есть свой зритель и в городе, и в деревне. А интеллигентность, я считаю, зависит не от профессии, она в душе человека.

— Вы много лет связаны с этим коллективом узлами тесного сотрудничества, отдали ему лучшие свои пьесы. Чем объясняется ваша особая приверженность именно Камаловскому театру!

— Этот театр — вся моя жизнь, иной не представляю. В молодости, после окончания Щепинского училища, я здесь работал актером и начинал как драматург...

— Занимались пьесами, потому что вам не везло как актеру!

— Мне грустно вспоминать, что там было. Хотя пьесы я начал писать еще студентом. Но то, что я почти не играл в театре, — это моя боль, которую я унесу с собой. Меня и сейчас тянет на сцену. Я люблю смотреть спектакль из-за кулис, и мне иногда хочется самому выйти в массовку...

— Что же все-таки произошло!

— Может, я ошибался, ду-

мою пьесу и после этого уже не терял меня из виду.

— Можно так сказать: сдвинул из вас драматурга!

— Ну драматургом никто не может сделать, если человек к этому не способен. Он вернул мне веру в себя. У писателя прежде всего должна быть уверенность: я могу, я сделаю. Та, первая салымжановская постановка моей пьесы дала мне точку опоры, я стал заниматься уже только драматургией. Конечно, театр помог мне раскрыться в этом плане. Здесь требования к автору очень сильные. И при этом — уважение, даже любовь. В свое время, когда Театр имени Камала был в тяжелейшем кризисном состоянии и мог вообще погибнуть, молодой Салимжанов не побоялся возложить его, взвалить на себя огромный груз, хотя понимал: отвечать ему за этот театр, в прямом смысле, перед народом.

— Как бы вы определили роль Театра имени Камала в жизни нации!

— У нас принято считать: это самый большой университет, академия татарского народа. А я бы сказал — камертон. Камертон души, духовной жизни нации.

Люди здесь находили и сейчас находят то, что им необходимо для истории на жизнь, для духовного благосостояния, сохранения своей души.

Беседу вела
Галина ДАНИЛОВА.